

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

⁸ Там же, т.9, с.243; Ибн ал-Асйр, Камил фи та'рих, Лейден, т.10, с.243-244.

⁹ Камил, т.10, с.450.

¹⁰ Там же, с.163.

¹¹ Там же, с.231-232.

¹² Там же, с.245.

¹³ Там же, с.428.

Л.К.Павловская

ШИХУА О ТОМ, КАК ТРИПИТАКА ВЕЛИКОЙ ТАН ДОБЫЛ
СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ
(письменные источники и их место в сюжете и композиции)

Путешествие монаха Сюань-цзана в Индию (629-645 гг.) не только интереснейший факт китайской истории и истории китайского буддизма, но и событие, которое заняло прочное место в истории китайской литературы. На протяжении столетий этот сюжет разрабатывался в различных жанрах, пока не получил свое высшее завершение в знаменитом романе У Чэн-эня (XVI в.) "Путешествие на Запад" /10/. Первым же повествовательным произведением (из сохранившихся до наших дней) о путешествии Сюань-цзана является "Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги" (14; далее: шихуа).

В китайской буддийской литературе представлена вся жизнь Сюань-цзана; с тринадцатилетнего возраста отданная служению буддизму: постижение учения, путешествие, переводческая и творческая деятельность /13; 15; 16; 19/. Однако народная литература сконцентрировала свое внимание только на путешествии Сюань-цзана - оно было воспринято как единственное деяние, прославившее известного буддийского паломника и увековечившее его имя под прозваниями Трипитаки или Танского монаха.

Уже при жизни вокруг имени Сюань-цзана стали создаваться легенды, связанные, прежде всего, с его путешествием. Эти легенды, с одной стороны, оказывали некоторое влияние на официальную литературу о Сюань-цзане, а, с другой, сами черпали материал из письменных источников, содержащих сведения о путешествии монаха. Искусство шошуды - народных рассказчиков, особенно процветавшее в

эпоху Сун (960-1280 гг.), обращение рассказчиков к письменному источнику-книге (шу), как основе пересказа (шо), было той стихией, в которой письменная "официальная" литература, литература "высокая", стала наиболее активно взаимодействовать с литературой народной, преимущественно, изустной, литературой "низкой". В результате этого синтезировалась новая литература, возникли произведения новых жанров и форм, новые литературные традиции, сохранившие однако многие черты традиций, их создавших. Интересны в этом отношении самые ранние письменные версии произведений такого рода, ибо они дают возможность выявить корни многих особенностей (сюжетных, формальных, композиционных) этих произведений и позволяют проследить за их трансформацией в процессе дальнейшей эволюции.

Так, заслуживает внимания материал, который дают произведения жанров пинхуа и шихуа. В первых, восходящих к шо ши ("рассказыванию истории" или шо ши шу - "рассказыванию исторических книг"), одной из школ шошу, пересказывается китайская история (уровень взаимодействия письменной и устной традиций в различных пинхуа неодинаков) /2;4;7;8;9/; второе, исследуемое шихуа, - образец шо цзин ("рассказывания [буддийского] канона"), другой разновидности шошу. Это произведение, воссозданное из материалов двух стихий - письменной (произведения буддийского канона - цзин) и устной, народной (фольклор), в котором известный по письменным источникам факт, попав из истории в народную литературу, обрел новую жизнь и звучание. Несмотря на то, что события жизни и путешествия Свань-цзана прошли в шихуа существенную идейную и художественную обработку /5/ и в произведении явно преобладает народное начало, мы считаем возможным поставить вопрос об исторических источниках повествования. Такой подход позволяет понять и расшифровать многое в сюжете, композиции, истории текста произведения, а также отчетливее уяснить методы работы средневекового автора.

Английский ученый Г. Дадбридж отмечал аналогичность некоторых тем шихуа и "официальной" литературы о путешествии Свань-цзана, таких, как тема духа Глубоких песков - Шэша шэня /20, 19-20 - I4, I6, I7/, тема Матери бесов (Гуйцзы-му, санскр. Харити) /20, I7-I8 - I4, I8-20/, страны Женщин /20, I3-I4 - I4, 20-24/. Если истоки первой он находит в сочинении Хуй-ли и Янь-цзуна "Жизнеописание учителя закона Трипитаки из монастыря Дацзэнь" /I6; далее: Жизнеописание, то истоки второй и третьей ему видятся в "Записках о краях, лежащих к западу от империи Великой Тан" /I5; далее: Записки/ - отчете о путешествии, записанном монахом Бянь-цзи (VII в.) со слов самого

Свань-цзана. По нашим наблюдениям, круг таких тем может быть расширен. Представляется, что озеро Девяти драконов (Цзюлунчи), в котором среди бескрайних просторов черной воды живут страшные драконы, губящие людей /I4, I5-I6/, восходит к упоминаемому в "Записках" озеру Больших драконов (Далунчи; озеро Кара-куль - "Черное", на Памире), обитателями которого являются чудовищные драконы и черепахи и вода в котором на глубине "зелёно-черная" /I5, цз. I2, л. 8а-б/.

Следует отметить, что все темы, заимствованные из официальных источников, использованы в шихуа как основа для свободной импровизации. В результате этого возникли новые версии и разработки известного материала.¹ Но если в названных выше случаях прослеживается хотя бы внешняя связь с источниками (автор сохраняет название тем), то в других случаях выявить хорошо закамуфлированную исходную тему и источник ее заимствования оказывается сложно. Это требует детального изучения текста и кропотливого сопоставления его с различными письменными источниками. Но именно таким образом удалось установить, что под Индией (^{印度} ~~印度~~) чжучо - "страна Бамбука"), в которой Трипитака получил чудесным образом 5048 свитков сутр², в шихуа описывается город-монастырь Наланда (на территории древнего княжества Магадха, совр. Бихар) - центр буддизма школы Махаяны, где пять лет жил и совершенствовался в учении Свань-цзан /6/. Под страной же Синего лотоса (Юболо), где растут чудесные деревья бодхи (санскр. пипал - "фикус священный") и от которой "три дня пути" /I4, 30/ до страны Бамбука, описывается "дерево бодхи" (одна из святынь буддизма,³ тоже на территории княжества Магадха, в совр. г. Гая, в Бихаре), расположенное на расстоянии "семи йоджжан" (около 110 км, т.е. действительно в трех днях пути) от Наланды /I6, 236в/.

Из изложенного видно, что сюжет шихуа впитал в себя материал и "Записок", и "Жизнеописания". Что же касается композиции произведения, то в его внутренней структуре совершенно очевидно следование приемам одного только источника - "Жизнеописания", сочинения несравненно более высокого (по сравнению с "Записками") композиционного и беллетристического уровня. Заимствовав пространственно-временной принцип организации повествования, автор перенес из "Жизнеописания" в шихуа и многие композиционные приемы и формулы, развил и расширил сферы их применения, сохранив и углубив их художественные функции.

Так, I) появившаяся в "Жизнеописании" формула 前 去 цянь цюй - "двигаясь вперед", заменявшая в отдельных случаях указание

направления движения по восьми странам света, стала в шихуа единственной (в разных модификациях: цянй лай, цянй май, цянй го) и постоянной, вытеснив полностью названия стран света. Направление этого "вперед" в шихуа обозначено набором образов, символизирующих сначала север (Вайшравана), а затем и далекий запад /6,183/.

2) Наметившаяся в "Жизнеописании" тенденция обобщения меры пройденного расстояния получила в шихуа дальнейшее развитие. Здесь, наряду с количественными мерами, расстояние стало измеряться с помощью общих географических (впадина, горный хребет), или административных (округ, страна) понятий. Перешло в шихуа и измерение расстояния временем нахождения в пути, а также, например, точная мера времени – три года, которые заняли путь от Чанъани до Наланды у Сюань-цзана /16,237а/ и от столицы до страны Бамбука у Трипитаки /14,28,30/.

3) Сохранились в шихуа и такие организационные элементы "Жизнеописания" как а) наречие 又 且 – "далее", "затем", использование которого создает определенную картину последовательности передвижения героя и расположения стран и мест в пространстве шихуа; б) наречие 又 且 – "снова", "еще", "опять", частое (иногда по несколько раз в небольших отрывках) повторение которого перед глаголами движения создает впечатление непрерывности и напряженности движения, его определенного ритма.

Таким образом, у письменных истоков шихуа стоят два сочинения буддийской исторической литературы: "Записки" и "Жизнеописание"⁴. Влияние последнего на повествование несравненно активнее. Это главный (письменный) источник повествования, поэтому представляется допустимым назвать шихуа – простонародным буддийским жизнеописанием Трипитаки.

Однако во втором названии, под которым повествование о Трипитаке дошло до наших дней (мы считаем это название наиболее ранним), – "Записки о том, как учитель закона Трипитака Великой Тан добыл священные книги" /3/, как бы подчеркивается связь произведения с "Записками". Возможно, что здесь мы имеем дело с некоей традицией, сложившейся у народных рассказчиков (шошуды) – использовать название пересказываемого произведения (полностью или частично) в подтверждение достоверности излагаемого, хотя повествование подчас далеко отходит от названного исторического источника. Но поиски нового, весьма плодотворные и активные в сфере простонародной литературы, привели к тому, что, следуя традиции формально, авторы со временем стали отступать от нее по существу. Сохраняя название первоисточника сведений о рассказываемых событиях, они фактически

основывали свое повествование не на нем, а на его более беллетризованном официальном варианте (позднейшем по времени создания), используя не только содержание, но и структуру последнего. Подобное явление наблюдается в "Заново сопоставленном пинхуа по истории Пяти династий", (где в заглавии как бы воспроизводится название одного исторического сочинения, а повествование и его внутренняя структура основываются на другом /4/), и почти аналогичное ему в шихуа. Представляется, что выявление приема, общего для произведений разных жанровых обозначений, говорит о том, что мы, по-видимому, имеем дело со сложившимся творческим принципом работы средневекового автора с письменным источником заимствования материала, характерным для одного из ранних этапов развития китайской повествовательной литературы крупных форм.

¹ Так, например, в шихуа дается совершенно новый вариант легенды о Матери бесов, отличный от буддийской и от китайской версий. (Ср. I4, I8-20 с I5, цз.2, л.20а и I2,36-37).

² Здесь названа цифра общего числа свитков китайского буддийского канона танского (730 г.) и первого сунского (983 г.) изданий /II,71-73; I7,7I; I8,150-151/.

³ Согласно легенде, здесь, под фикусом священным, обрел духовное прозрение - бодхи - Будда Шакьямуни, поэтому дерево и получило такое название.

⁴ Возможно, что автор использовал для повествования и какие-либо другие письменные источники, нам неизвестные, но представляется, что древнейшее китайское географическое сочинение Шань хай цзин//I/ является производением, которое тоже оказало некоторое влияние на шихуа /6, I77/.

Литература

1. Каталог гор и морей (шань хай цзин). Предисл., пер. и комментарий Э.М. Янишной, М., 1977.

2. Л.К. Павловская, - Из истории текста "Пинхуа по истории Пяти династий". - Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования, 1972, М., 1977, с.231-240.

3. Л.К. Павловская, - О двух названиях народного повествования о путешествии танского монаха Трипитаки в Индию за сутрами. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока (далее ШПИКНВ), XIУ годичная научная сессия ИО ИВ АН СССР. (Доклады и сообщения), декабрь 1978, ч. I-2, М., 1979, с.47-52.

4. Л.К.Павловская, Пинхуа по истории Пяти династий (Некоторые предварительные наблюдения над историческими источниками и приемами использования их в пинхуа). - В кн. "История, культура, язык народов Востока". М., 1970.

5. Л.К.Павловская, Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл сутры (об изложении в повествовании некоторых исторических фактов из жизни монаха Сянь-цзана). - III и ПИКНВ, XV, М., 1981, с.50-55

6. Л.К.Павловская, Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл сутры (Путешествие Трипитаки). - Теоретические проблемы изучения литературы Дальнего Востока. (Тезисы IX научной конференции, Ленинград, 1980), т.1-2, М., 1980, с.175-185.

7. Б.Л.Рифтин, Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае, М., 1970.

8. Б.Л.Рифтин, От мифа к роману, М., 1979.

9. Б.Л.Рифтин, Проблемы стиля китайского книжного эпоса. - "Памятники книжного эпоса", М., 1978.

10. У Чэн-энь, Путешествие на Запад. Пер. с китайск. А.Рогачева и В.Колоколова, т.1-4, М., 1959.

11. К.К.Флуг, История китайской печатной книги сунской эпохи. М.-Л., 1959.

12. Янь Кэ, Мифы древнего Китая. М., 1965.

13. Да Тан гу Саньцзан Сянь-цзан фаши син чжуань (Изложение заслуг покойного Сянь-цзана - учителя закона Трипитаки Великой Тан), сост. Мин-сян, - Тай-се син дэю дай дэоке (далее: Трипитака) т.Л, № 2052, с.214-220.

14. Да Тан Сань-цзан цюй цзин шихуа (Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги), Шанхай, 1955.

15. Да Тан си юй цзи (Записки о краях, лежащих к западу от империи Великой Тан), т.1-4 - Сы бу цункань, ши бу, Шанхай, 1928.

16. Дацзынь-сы Сань-цзан фаши чжуань (Жизнеописание учителя закона Трипитаки из монастыря Дацзынь), сост. Хуй-ли и Янь-цзун. - Трипитака, т.Л, № 2053, с.220-280.

17. Огава Канити, Дай То Санцзо сю кё сива-но кэй-сэй (О создании "Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги"). - "Рютани (Ригая) дайгаку ронсю", 362 (1959).

18. Ота Тацую, Дай То Санцзо сю кё сива кё (Исследование "Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги"). - "Кобе гайдай ронсо", 17,1-3 (июнь 1966).

19. Сэй гао сэн чжуань (Продолжение жизнеописаний знаменитых монахов), сост. Дао-сянь, - Трипитака, т.Л, № 2060, с.446-458.

Т.К.Посова

РИТУАЛ В ПУРАНАХ
(на примере Девимахатмья)

В Индии, где многообразные религиозные верования и по сей день оказывают осязаемое воздействие на социально-политическую жизнь страны, ритуальная сторона религии является существенной частью культуры и быта индийского общества. Из двух основных сторон религии – канона и ритуала, ритуал наиболее подвижен и подвержен влиянию времени. Зачастую именно ритуал, а не установившийся веками канон позволяет четко дифференцировать современные культовые течения, генетически восходящие к одному источнику.

В данной статье рассматриваются специфические черты ритуала одного из наиболее важных памятников пуранической литературы Девимахатмья = ДМ (IV-VI вв. н.э., входит в состав Маркандея-пураны). ДМ в течение полутора тысячелетий является своеобразной структурной канвой для многочисленных ответвлений тантризма и шактизма. Анализ ритуала в ДМ позволяет выявить исторические и социальные корни ряда модернистских религиозных учений, наметить подходы к критическому изучению их обрядово-ритуальной стороны.

Ритуал в ДМ состоит из трех основных элементов, присущих традиционному индуизму: ритуальных гимнов, жертвоприношений и аскезы.

Г и м н ы в ДМ (4 гимна-стути: I,53-67; IV,2-26; V,7-38; XI,2-35 и один гимн-атмастути, XII,1-28)¹ занимает около одной четвертой всего памятника. В тексте подчеркивается преимущество рецитации гимнов перед прочими формами ритуала /XII,19-20/. Это характерно в первую очередь для тантризма. В гимне-атмастути подробно перечисляется, где и когда следует читать священные тексты: во время великих торжеств в честь Девы, во время различных молений и жертвоприношений, а также в случаях многих жизненных затруднений /XII,1-28/. Чтение гимнов помогает в приобретении богатства, зерна, детей, семейного счастья, отваги в битвах, здоровья /XII,17-20/. Ритуальные гимны выполняют ряд функций, обычно присущих так называемой "черной магии" – устраняют злое влияние предзнаменования и страшные затмения планет, бедствия, порожденные